

5(05)
Н-34

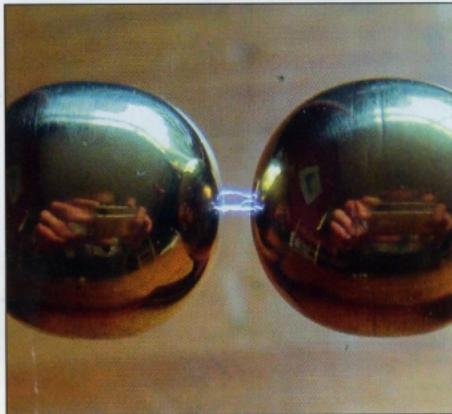

ISSN 0028-1263

НАУКА И ЖИЗНЬ

2
2014

• Директор лондонского Музея науки: «Зато, во что веришь, приходится всё время бороться» • Чем обернулась «попытка химического понимания мирового эфира? • Лучше сделаная улыбка, чем искреннее хамство, считают американцы • Всё — яд, всё — лекарство; то и другое определяет доза... • «Блины были поджаристые, пористые, пухлые, как плечо купеческой дочки...»

Зн/жизн

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД. ПОСЛЕДНИЙ РЕДУТ МОНАРХИИ

Доктор исторических наук Генрих ИОФФЕ.

Кому-то из недобрых шутников принадлежат горькие слова: «Русский человек скинул монархию так же легко, как после бани скидывают грязное бельё». Пожалуй, верно: никто не выставил оборонительный щит перед рушившимся царским режимом. Но это, если посмотреть на произошедшее обычным взглядом. А вот если взглянуть на него через линзу увеличительную, то высвечивается иная картина: видны попытки отстоять, спасти монархию.

Документальных материалов, отражающих Февральский переворот, сохранилось не так уж много. Поэтому любые воспоминания о Феврале 1917 года для историка необыкновенно ценные, заменяя в значительной мере документы.

К таковым конечно же следует отнести и воспоминания тех офицеров, которые в дни февральских событий находились в самом Петрограде, например обширные воспоминания офицеров запасного батальона лейб-гвардии Измайловского полка П. В. Данильченко и Б. В. Фомина (ныне они хранятся в Государственном архиве РФ).

Н еожиданные, временные перебои с доставкой хлеба вызвали в Петрограде 23 февраля 1917 года забастовки, митинги и демонстрации. Сначала в них не было политических лозунгов, таких, например, как «Долой войну!», а тем более — «Долой самодержавие!». Главным требованием оставалось: «Хлеба!» После краха первой русской революции 1905 года революционные элементы серьёзной силы уже не представляли. Часть из них оказалась в Сибири, другая эмигрировала, а остававшиеся на свободе вряд ли могли

оказать заметное влияние на развертывание революционного движения.

А вот военные и гражданские власти Петрограда, наладив снабжение населения продовольствием, безусловно, были способны восстановить в городе порядок в те же дни — 23 и 24 февраля. Сложилось, однако, всё иначе.

Почему? Видимо, потому, что события 23 февраля отцы города расценили не более чем «беспорядок». Возможно, однако, и другое объяснение: не было желания раскрывать перед союзниками накануне пред-

◀ Николай II с детьми и офицерами конвоя в Могилёве. Снимок сделан незадолго до февральских событий, разыгравшихся в Петрограде.

стоявших совместных военных выступлений на фронтах появления революционной смуты в столице. И в Ставку (в Могилёв), где находился главнокомандующий Русской армии Николай II, несколько дней подряд из Петрограда шли успокоительные сообщения.

И тем не менее уже 24 февраля события заставили передать власть в городе в руки начальника Петроградского военного округа, генерала С. С. Хабалова. Кандидатура — далеко не лучшая. Но вероятнее всего, на столь ответственный пост его протежировал сам министр внутренних дел А. Д. Протопопов. Боевого опыта у генерала практически не было: перед назначением в Петроград он всего лишь наказной атаман Уральского казачьего войска. Да и в политических вопросах Хабалов мало искушён — разве что в умении устанавливать хорошие отношения с начальством.

Лишь 25 февраля, когда пришло время готовиться к серьёзным столкновениям с митингующими и забастовщиками, власть стала переоценивать события. Появились конные патрули, полицейские заставы и оцепления... К концу дня из Ставки, по некоторым данным, наконец поступил приказ царя (документ, к сожалению, не обнаружен), требующий «прекратить в столице беспорядки, недопустимые в военное время».

Петроградское начальство, как правило, опасавшееся, не дай Бог, недопонять царские указы, и на сей раз проявило себя сходным образом: раз беспорядки «недопустимы», стало быть, и ликвидировать их «необходимо любыми способами». В приказе Николая II не было и речи об открытии огня, однако 26 февраля на некоторых улицах и площадях Петрограда началась стрельба. Кто конкретно из начальствующих лиц дал на этот счёт распоряжение? Сегодня сказать об этом трудно.

Известно только, что на заседании Совета министров некоторые министры и начальник Петроградского военного округа генерал Хабалов высказывались в пользу применения вооружённых сил, остальные заняли уклончивую позицию. Возможно, войска столичного гарнизона

Генерал С. С. Хабалов.

были на сей раз использованы и по распоряжению их непосредственного начальства. Итог: убитые и раненые. К вечеру стало казаться, что порядок в городе восстановлен. Но главные события, как сегодня мы знаем, ещё впереди.

Петроград буквально наспехован войсками. Двенадцать запасных батальонов гвардейских полков — Преображенского,

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Командующего войсками Петроградского военного округа.

Паслѣдніе дни въ Петроградѣ произошли беззаконія сопровождавшіеся насилиемъ и посягательствами на жизни воинскихъ и полицейскихъ чиновъ.

Воспрещаю всякое склоненіе на улицахъ.

Предваряю населеніе Петрограда, что мною подтверждено войскамъ употреблять въ дѣло оружіе, не оставляясь ни передъ чѣмъ для возвращенія порядка въ столицѣ.

Командующий войсками Петроградского военного округа Генерал-лейтенантъ **Хабаловъ**.

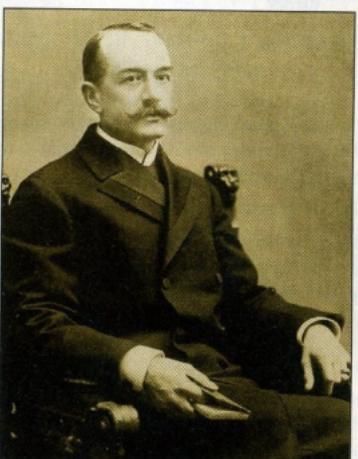
26-го февраля 1917 года.

Объявление командующего войсками Петроградского военного округа генерала Хабалова, выпущенное 26 февраля 1917 года.

Унтер-офицер Т. И. Кирпичников. Фактически он своими действиями зажёг искру вспыхнувшей затем Февральской революции.

Семёновского, Измайловского, Егерского, Московского, Литовского, Кексгольмского, Петроградского, Волынского, Гренадерского, Павловского, Финляндского. В городе расквартированы запасные батальоны лейб-гвардии 3-го стрелкового полка и лейб-гвардии Сапёрного полка. В самом Петрограде и его пригородах стоят и запасные батальоны некоторых армейских

Последний царский министр внутренних дел Российской империи — А. Д. Протопопов.

пехотных и кавалерийских полков (например, 1-й Донской и 7-й Донской казачьи полки). Да ещё военные училища. Окрестности столицы (Красное Село, Царское Село, Ораниенбаум и др.) также «забыты» запасными войсковыми соединениями.

Правда, дисциплина в запасных батальонах оставляла желать лучшего. Большинство солдат уже побывали на фронте, кто-то затем довольно долго лечился в госпиталях, кто-то пригрелся в тёплых столичных казармах... Немногие стремились снова попасть в маревые роты, отправляющиеся на позиции. Серьёзные военные чины уже не раз указывали городским властям на рыхлость и ненадёжность Петроградского гарнизона. Поступало даже предложение ввести в Петроград две гвардейские кавалерийские дивизии, но по вполне ясным причинам этого не произошло.

А 27 февраля случилось нечто непредвиденное и экстраординарное. Спровоцированное унтер-офицером Волынского полка Тимофеем Кирпичниковым неповинование закончилось в его роте убийством офицера Лашевича, что вызвало волнения в других запасных батальонах гарнизона. Демонстранты и митингующие начали соединяться с бунтующими солдатами.

Видный эсер Ф. А. Степун (впоследствии знаменитый философ и литераторовед) стал свидетелем вполне незначительного эпизода, но именно этот эпизод позволил ему создать выразительный образ случившегося. Шедший в толпе рабочий остановился и попросил у казака, находившегося в конном строю, прикурить. Казак вынул изо рта цигарку, нагнулся с седла и протянул её рабочему. Тот прикурил, рассыпав вокруг искры от вспыхнувшей крепкой махорки. «От них, — писал позже Степун, — и начался пожар, в котором сгорели сначала монархия, а вскоре и демократия».

Выход из повиновения солдат Петроградского гарнизона стал решающим моментом в последующем развитии событий.

Днём 27 февраля генерал Хабалов сформировал отряд численностью около тысячи человек, включавший шесть рот, полутора эскадрона и 15 пулемётов. Под началом полковника А. П. Кутепова (он находился тогда в Петрограде в отпуске) отряд должен был «столкнуться с наэлектризованной толпой... разбить эту толпу и загнать её

в угол, к Таврическому саду». «Неужели у вас во всём Петрограде, — спросил Хабалов Кутепов, — только и имеется один мой карательный отряд?» Позже Кутепов вспоминал, что его отряд просто «тонул» в массе народа, заполнившего улицы и площади. Затем от здания горевшего Окружного суда по отряду открыли огонь, и кутеповские солдаты, так и не сумев ничего сделать, рассеялись по городу.

Днём Хабалов предпринял ещё одну попытку навести порядок: стянув «возможный резерв на Дворцовую площадь, чтобы на Выборгской стороне рассеять толпу и открыть дорогу к источнику боевых запасов». Некоторые части явились на Дворцовую площадь, но скоро стало ясно, что и на них рассчитывать нельзя. К вечеру, как впоследствии на допросах показал генерал Хабалов, «вопрос пошёл об обороне — о том, чтобы удержаться». По-видимому, тогда же Хабалов и вспомнил о тех воинских силах, которые находились в Измайловских казармах.

Измайловский запасной батальон, как утверждают в своих офицеры Данильченко и Фомин, плохо ли, хорошо ли, но ещё держался. Фомин, впрочем, признавал: «Малейшее соприкосновение с толпой» могло привести воинские команды к немедленной капитуляции.

Между шестью и семью часами вечера 27 февраля командир запасного батальона лейб-гвардии Преображенского полка полковник Павленков (он заменил генерал-майора Чебыкина, команда запасных батальонов гвардейских полков) сообщил в штаб измайловцев, что, видимо, заболевает, но пока не ушёл и выполняет распоряжение Хабалова, поскольку Измайловский батальон — «единственная часть, оставшаяся в руках начальства». Данильченко должен был срочно сформировать отряд (придав ему кавалерию поручика Ржевского и артиллерию, находившуюся в Измайловских казармах) и привести его в здание градоначальства (Гороховая, 2), где находился начальник военного округа.

Роты вышли к месту отправки в восемь часов вечера. Ими командовали капитаны Есимонтовский, Окулич и Гаскет. Когда всё уже было готово к движению, пришла телефонограмма полковника Павленкова: следовать не к градоначальству, а в Адмиралтейство, поскольку Хабалов со своим штабом перебрался туда.

Во время Февральской революции А. П. Кутепов возглавлял свой отряд, который должен был оказать действенное сопротивление восставшим.

Измайловский проспект к тому моменту заполнили рабочие и солдаты. Где-то играл военный духовой оркестр, настроение у всех приподнятое. Чтобы избежать столкновений с «засадами» на Садовой, отряд двинулся окольным путём. Очертания Адмиралтейства тонули в темноте. У входа и в самом здании встречались небольшие группы солдат запасного батальона лейб-гвардии Кексгольмского полка. Как они здесь оказались? Этого никто не знал, но по всему было видно, что положиться на них нельзя.

Навстречу Данильченко и Фомину вышел генерал в форме Павловского полка. То был генерал-квартирмейстер управления Генерального штаба М. И. Занкевич. Теперь он командовал запасными батальонами Петрограда. («Несчастливый пост»: сначала, заболев, выбыл из строя Чебыкин, затем Павленков, куда-то исчез Михайличенко...)

Когда измайловцы вошли в Адмиралтейство, выяснилось, что там уже находится какое-то подразделение 1-го пулемётного полка с 40 пулемётами, прибывшее из Ораниенбаума. Вскоре подошла рота 2-го Царскосельского стрелкового полка. Ждали остатки кутеповского отряда, рассеявшегося по улицам города, и две роты запасного лейб-гвардии Преображенского полка. Но они так и не явились.

*Дни революции.
Баррикады у арсенала*

Тем не менее в Адмиралтействе сосредоточился довольно значительный отряд с пулемётами, орудиями, кавалерией. Стремясь изолировать его от соприкосновения с революционными массами, решили организовать оборону не вокруг здания Адмиралтейства, а внутри него. У окон расставили пулемёты, во дворе — орудия, в качестве укреплений в ход пошли брёвна и дрова. Солдат развели по комнатам и коридорам. При этом произошёл любопытный эпизод.

На одной из площадок неожиданно появился морской министр, адмирал И. К. Григорович. Больной гриппом, хрюкая, он перегнулся через перила и сердито крикнул одному из офицеров: «Полковник! Прошу убрать отсюда ваших людей! Мне не нужна никакая охрана!». Офицер столь же сердито ответил: «Мои люди не собираются охранять министра Григоровича. Измайловцы прибыли сюда по приказу начальника военного округа для защиты Адмиралтейства как одного из оплотов государственной власти!» Что-то проворчав, Григорович скрылся, хлопнув дверью.

И всё же любопытно, с какой целью Хабалов стянулся в Адмиралтейство воинские части, ещё подчиняющиеся ему? Данильченко утверждал, будто слышал от Хабалова, что главная задача отряда — организовать оборону Зимнего дворца: собрав силы в Адмиралтействе, перейти туда, в Зимний.

Фомин излагает свой разговор с Хабаловым несколько иначе. В воспоминаниях он пишет: «С самого начала для меня была ясна бесцельность пребывания войск в Адмиралтействе». Если утром 28 февраля массы хлынут к Адмиралтейству, удержать его будет невозможно, тем более что среди измайловцев и других солдат уже стали проявляться признаки «разложения». И Фомин будто бы предложил Хабалову свой план: немедленно покинуть Адмиралтейство и вообще Петроград и отойти в Пулково. Этот манёвр, по мнению Фомина, позволит выйти из «зоны восстания», занять ближайшие к Петрограду станции на Балтийской, Варшавской и Виндаво-Рыбинской железных дорогах, где и ожидать подхода войск с фронта.

Но Хабалов, как пишет Фомин, решительно отклонил «пулковский план». Пожалуй, он ещё не верил в окончательный крах царского режима и боялся, что уход из Петрограда монарх воспримет как дезертирство с поля сражения. Хабалов заявил Фомину: поскольку Адмиралтейство является теперь резиденцией правительства, то отступление в Пулково будет означать не иначе как капитуляцию. «Но ведь правительства здесь нет!» — пробовал возразить Фомин. «Я теперь правительство!» — оборвал его Хабалов. И тут же распорядился обзвонить всех министров и пригласить

их собраться в Адмиралтействе. Однако телефоны уже были отключены.

В Адмиралтействе помимо генералов Хабалова и Занкевича в то время находились военный министр М. А. Беляев, петроградский градоначальник А. П. Балк, его помощник генерал Вендорф, генерал М. И. Тяжельников (начальник штаба Хабалова) и ещё несколько генералов — жандармских и армейских. Только эти люди представляли тогда царский режим в Петрограде.

Тактика последних «защитников престола» теперь должна была быть иной. О наступательных действиях нечего и думать. Надо держать оборону Адмиралтейства до вечера 28 февраля, когда, по расчётом «адмиралтейских» генералов, в Петроград начнут прибывать фронтовые войска и в самый короткий срок наведут в столице порядок.

Итак, последний «бастион» монархии должен во что бы то ни стало держаться до подхода карательных войск, снятых с фронта. «Следовало сидеть, не показываться и ждать каких-то избавителей», — пишет Фомин. Но в два часа ночи с 27 на 28 февраля генерал Генерального штаба Занкевич неожиданно отдаёт новый приказ: срочно покинуть Адмиралтейство и следовать на охрану Зимнего дворца.

Почти зrimую картину этого «похода» воссоздаёт Фомин: «Был крепкий мороз,

кругом — насколько хватало глаз — не было видно ни души... Дворцовая площадь огласилась шумом фыркающих лошадей и металлическим звоном режущих снег колес орудийных упряжек. Белый снег делал все предметы чёрными, но благодаря ему и несмотря на отсутствие горящих фонарей, было совершенное светло».

Впереди отряда шагал, сгорбившись, военный министр Беляев, за ним Хабалов, Занкевич, Тяжельников и другие генералы. Ночь поглотила огромное здание Зимнего дворца. Только из некоторых окон шёл слабый свет, выхватывая из темноты суетившихся людей, лошадей, стоявших у армейских повозок. Было что-то фантастическое в этой картине. Фомину на мгновение почудилось, будто творение Растрелли из огромного европейского города вдруг переместилось в степь, по которой движутся кочевники.

Во дворец вошли через главные ворота. Там находилась рота главного караула дворца — солдаты из запасного батальона лейб-гвардии Преображенского полка и часть запасного кавалерийского полка, ещё раньше вызванные сюда из Новгорода. Эти пополнения, конечно, усилили отряд, но не столь существенно.

Измайловская пехота расположилась на втором этаже, у окон, выходивших на

Дворцовую площадь. Несколько орудий поставили у ворот, а остальные и кавалерию «отвели в резерв». Готовились к осаде. Хабалов официально назначает Данильченко на новую должность — «коменданта обороны Зимнего дворца».

Ранним утром 28 февраля, когда ещё не начало светать, к Зимнему подъехали два автомобиля. Из первого вышел брат царя, великий князь Михаил Александрович. Ещё днём 27 февраля его срочно вызвал из Гатчины председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Хотели, чтобы великий князь, связавшись со Ставкой по прямому проводу, попытался оказать давление на царя и склонить его к уступкам думской либеральной оппозиции.

Но с прибытием Михаила Александровича сумятица и неразбериха, пожалуй, только усилились. Все теперь охотно передали бы бразды правления в руки великого князя, лишь бы сложить ответственность с себя. Серьёзно опасались, что рабочие и солдаты захватят Петропавловскую крепость. В этом случае Зимний мог оказаться под ударом с двух сторон. И Фомин вновь вернулся к своему «пulkовскому плану» и доложил о нём Беляеву. Тот пошёл совещаться с великим князем. Михаил Александрович план отверг.

Около пяти часов утра поступило сообщение: кавалерия Запасного гвардейского полка самовольно снялась «с позиций» и

ушла от Зимнего. Это был удар. Возможно, именно он и сломил «коменданта обороны» полковника Данильченко. Наступил черёд «заболеть» и ему. Он ушёл в лазарет, находившийся здесь же, в Зимнем. Вслед за Данильченко туда же двинулись «заболевшие» Есимонтовский и Окулич. Как утверждает Фомин, теперь командиром отряда Беляев назначил его.

Оба мемуариста — и Данильченко и Фомин — связывают последовавший затем приказ об уходе из Зимнего дворца с распоряжением великого князя Михаила Александровича. Он не хотел разговоров о том, что Романовы опять (как в 1905 году) стреляли в народ у Зимнего. В шестом часу утра 1 марта колонна последних защитников монархии вновь потянулась через Дворцовую площадь назад, к Адмиралтейству.

Возвращение в Адмиралтейство плохо подействовало на состояние духа генералов и офицеров. Начались самоубийства. Признаки распада усиливались по мере того, как к зданию подходили всё новые толпы рабочих и примкнувших к ним солдат. С раннего утра весь сад перед Адмиралтейством и прилегающие улицы были заполнены восставшими. Первой «колебнулась» 2-я рота. Её солдаты заявили, что в Адмиралтействе не останутся, а уйдут в свои казармы. Лишь с большим трудом удалось удержать роту.

В половине девятого 28 февраля Хабалов передал в Ставку на имя начальника штаба генерала М. В. Алексеева: «Число оставшихся верными долгму уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 всадников при 1 пулемёте, 12 орудиях... Положение до чрезвычайности трудное». По существу то же самое доложил Хабалов и генералу Н. И. Иванову, которого ещё вечером 27 февраля царь назначил командующим фронтовыми частями, двинутыми на бунтовавший Петроград.

Заметно сдал военный министр Беляев. Фомин вспоминает: «Им то овладевало желание без умолку говорить, то он впадал в какую-то прострацию». Во время одного из приступов многословия Беляев вдруг стал размышлять вслух о том, что он всего лишь полтора месяца как министр и потому революционеры не могут предъявить ему каких-либо обвинений. Как бы между прочим он сказал Фомину, что разговаривал по телефону с Родзянко и тот посоветовал ему распустить отряд. «И Беляев, — пишет Фомин, — явно склонялся к этому».

Около часа дня пришло известие, которого страшились ещё в Зимнем дворце: революционные отряды рабочих и солдат овладели Петропавловской крепостью. Прошёл слух, что крепость готовится открыть огонь по Адмиралтейству, и как бы в подтверждение этого по окнам здания было сделано несколько «шальных» выстрелов.

Среди документов Ставки, относящихся к февральским событиям 1917 года, есть телеграмма Беляева, отправленная в Ставку 28 февраля, в 13 час. 30 мин. Вот её текст: «Около 2 часов дня 28 февраля остатки остающимися ещё верными частей по требованию морского министра были выведены из Адмиралтейства, чтобы не подвергать здание разгрому».

Два обстоятельства — захват восставшими Петропавловской крепости и требование адмирала Григоровича — предопределили, как пишет Фомин, вторичный уход отряда из Адмиралтейства. Перед уходом отряд разоружили. Опасаясь «ярости толпы», вспоминает Фомин, решили сдать винтовки, пулемёты и замки от орудий смотрителю здания. Было приказано выходить из Адмиралтейства организованно, «ни на кого не обращая внимания».

«Момент был жуткий, — продолжает Фомин. — Выйдя на тротуар, я повернулся

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев.

ся к толпе спиной и стал пропускать солдат. С суровыми лицами, не глядя по сторонам, они, наседая один на другого, выходили из подъезда... Моя спина почти касалась штыков, торчавших из толпы... Через минуту все построения были сделаны, и мы двинулись сдвоенными рядами по Адмиралтейскому проезду».

Толпа не проявляла «к последним защитникам престола никакой враждебности. Напротив, минутное "оцепенение толпы" прорвалось и вылилось в форму шумных приветствий — винтовки опустились, толпа кричала "ура" и кидала в воздух свои шапки». Фомин подал команду, и роты запели: «Взвейтесь, соколы, орлами...»

●

Вечером 1 марта 1917 года брата императора Николая II, великого князя Михаила Александровича (тогда ещё возможного императора — Михаила II), тайно доставили из Зимнего дворца на Миллионную улицу, на квартиру князя Путятинна. Здесь, преодолевая приступы язвенной болезни желудка, он шутливо написал жене, графине Н. С. Brasовой, в Гатчину: «Товарищу Brasовой. С этого момента начинается новое существование России». И подписал, тоже шутливо: «Товарищ М. Романов».

Никто не знал, да и ещё не мог знать, как далека от шуток была эта новая Россия...